

Бор. Ефимов:

Я был и Гроссмана шофером

... У же
ноармейский
приклад с размаху ударял
Гитлера по физиономии и
подписи: «На!». На втором — злобно
ревуший фюрер и подписи: «Рев», Це-
лое — «Нарев». Карикатура, в общем,
понравилась, но один из товарищей
засомневался: «Одну минуточку, това-
рищ Ефимов. Река, которую мы фор-
сируем, называется Нарев. Не так
ли? А если кто-нибудь ревет, мы гово-
рим, что слышен рев, а не рев. Выхо-
дит, не получается шарада-то? А?»
«Ну и что? — возразил я. — Все-таки
это близкие по звучанию слова, и
смысл шарады несколько не наруша-
ется». И в поиске поддержки я повер-
нулся к Гроссману: «Василий Семено-
вич, что вы скажете?» — «Мне кажется,
что Борис Ефимович прав, — примире-
тельно сказал Гроссман. — Это ведь
не школьный диктант по правописа-
нию, а карикатура для солдатской га-
зеты. И вспомним, кстати, у Пушкина
в «Полтаве»: «На холмах пушки, при-
смирив, прервали свой голодный
рев». Как видим, Александр Сергеевич
счел допустимой такую вольность. А
главное, думаю, в том, что мы стоим
на берегу Нарева и Гитлер здесь
крепко получил по морде. На том и
порешили. После этого я снова пре-
вратился в шофера. Мы выехали со
двора, и я притормозил возле начшта-
ба, стоявшего у обочины с группой
офицеров. Поговорив с корреспондент-
тами, он деловито обратился ко мне:
«Слышь, шофер, — сказал он. — Ехай
прямо по этой дороге. Прямо и прямо.
Метров через триста, где лежат поби-
тые лошади, свернешь направо в лес
по танковой колее. Еще метров через
двести увидишь, стоят «Виллисы». Там
и будет капз Панова». Я откырыял и с
преувеличенной лихостью рванул с
места. Только потом обернулся к сво-
им пассажирам, и мы дружно рассме-
ялись.

... У же
ноармейский
приклад с размаху ударял
Гитлера по физиономии и
подписи: «На!». На втором — злобно
ревуший фюрер и подписи: «Рев», Це-
лое — «Нарев». Карикатура, в общем,
понравилась, но один из товарищей
засомневался: «Одну минуточку, това-
рищ Ефимов. Река, которую мы фор-
сируем, называется Нарев. Не так
ли? А если кто-нибудь ревет, мы гово-
рим, что слышен рев, а не рев. Выхо-
дит, не получается шарада-то? А?»
«Ну и что? — возразил я. — Все-таки
это близкие по звучанию слова, и
смысл шарады несколько не наруша-
ется». И в поиске поддержки я повер-
нулся к Гроссману: «Василий Семено-
вич, что вы скажете?» — «Мне кажется,
что Борис Ефимович прав, — примире-
тельно сказал Гроссман. — Это ведь
не школьный диктант по правописа-
нию, а карикатура для солдатской га-
зеты. И вспомним, кстати, у Пушкина
в «Полтаве»: «На холмах пушки, при-
смирив, прервали свой голодный
рев». Как видим, Александр Сергеевич
счел допустимой такую вольность. А
главное, думаю, в том, что мы стоим
на берегу Нарева и Гитлер здесь
крепко получил по морде. На том и
порешили. После этого я снова пре-
вратился в шофера. Мы выехали со
двора, и я притормозил возле начшта-
ба, стоявшего у обочины с группой
офицеров. Поговорив с корреспондент-
тами, он деловито обратился ко мне:
«Слышь, шофер, — сказал он. — Ехай
прямо по этой дороге. Прямо и прямо.
Метров через триста, где лежат поби-
тые лошади, свернешь направо в лес
по танковой колее. Еще метров через
двести увидишь, стоят «Виллисы». Там
и будет капз Панова». Я откырыял и с
преувеличенной лихостью рванул с
места. Только потом обернулся к сво-
им пассажирам, и мы дружно рассме-
ялись.

... У же
ноармейский
приклад с размаху ударял
Гитлера по физиономии и
подписи: «На!». На втором — злобно
ревуший фюрер и подписи: «Рев», Це-
лое — «Нарев». Карикатура, в общем,
понравилась, но один из товарищей
засомневался: «Одну минуточку, това-
рищ Ефимов. Река, которую мы фор-
сируем, называется Нарев. Не так
ли? А если кто-нибудь ревет, мы гово-
рим, что слышен рев, а не рев. Выхо-
дит, не получается шарада-то? А?»
«Ну и что? — возразил я. — Все-таки
это близкие по звучанию слова, и
смысл шарады несколько не наруша-
ется». И в поиске поддержки я повер-
нулся к Гроссману: «Василий Семено-
вич, что вы скажете?» — «Мне кажется,
что Борис Ефимович прав, — примире-
тельно сказал Гроссман. — Это ведь
не школьный диктант по правописа-
нию, а карикатура для солдатской га-
зеты. И вспомним, кстати, у Пушкина
в «Полтаве»: «На холмах пушки, при-
смирив, прервали свой голодный
рев». Как видим, Александр Сергеевич
счел допустимой такую вольность. А
главное, думаю, в том, что мы стоим
на берегу Нарева и Гитлер здесь
крепко получил по морде. На том и
порешили. После этого я снова пре-
вратился в шофера. Мы выехали со
двора, и я притормозил возле начшта-
ба, стоявшего у обочины с группой
офицеров. Поговорив с корреспондент-
тами, он деловито обратился ко мне:
«Слышь, шофер, — сказал он. — Ехай
прямо по этой дороге. Прямо и прямо.
Метров через триста, где лежат поби-
тые лошади, свернешь направо в лес
по танковой колее. Еще метров через
двести увидишь, стоят «Виллисы». Там
и будет капз Панова». Я откырыял и с
преувеличенной лихостью рванул с
места. Только потом обернулся к сво-
им пассажирам, и мы дружно рассме-
ялись.

... У же
ноармейский
приклад с размаху ударял
Гитлера по физиономии и
подписи: «На!». На втором — злобно
ревуший фюрер и подписи: «Рев», Це-
лое — «Нарев». Карикатура, в общем,
понравилась, но один из товарищей
засомневался: «Одну минуточку, това-
рищ Ефимов. Река, которую мы фор-
сируем, называется Нарев. Не так
ли? А если кто-нибудь ревет, мы гово-
рим, что слышен рев, а не рев. Выхо-
дит, не получается шарада-то? А?»
«Ну и что? — возразил я. — Все-таки
это близкие по звучанию слова, и
смысл шарады несколько не наруша-
ется». И в поиске поддержки я повер-
нулся к Гроссману: «Василий Семено-
вич, что вы скажете?» — «Мне кажется,
что Борис Ефимович прав, — примире-
тельно сказал Гроссман. — Это ведь
не школьный диктант по правописа-
нию, а карикатура для солдатской га-
зеты. И вспомним, кстати, у Пушкина
в «Полтаве»: «На холмах пушки, при-
смирив, прервали свой голодный
рев». Как видим, Александр Сергеевич
счел допустимой такую вольность. А
главное, думаю, в том, что мы стоим
на берегу Нарева и Гитлер здесь
крепко получил по морде. На том и
порешили. После этого я снова пре-
вратился в шофера. Мы выехали со
двора, и я притормозил возле начшта-
ба, стоявшего у обочины с группой
офицеров. Поговорив с корреспондент-
тами, он деловито обратился ко мне:
«Слышь, шофер, — сказал он. — Ехай
прямо по этой дороге. Прямо и прямо.
Метров через триста, где лежат поби-
тые лошади, свернешь направо в лес
по танковой колее. Еще метров через
двести увидишь, стоят «Виллисы». Там
и будет капз Панова». Я откырыял и с
преувеличенной лихостью рванул с
места. Только потом обернулся к сво-
им пассажирам, и мы дружно рассме-
ялись.

Катаев, Александр Фадеев, Констан-
тин Симонов, и другим. Василий
Гроссман этого не сделал. И, молча-
ливо не согласившись с предвзятой и
несправедливой критикой романа «За
правое дело», как бы символически
отстаивал правое дело писателя —
иметь и высказывать собственное
мнение о событиях и явлениях, не
совпадающее с официальной точкой
зрения. Больше того — он не только
не стал переделывать «За правое де-
ло» в духе «рекомендаций», но, оста-
вив роман в целостности и неприкосно-
венности, сделал первым томом глав-
ного и самого большого труда своей
литературной биографии, над кото-
рым все это время продолжал рабо-
тать неустанно, вдохновенно, с каким-
то даже ожесточением и как бы вызо-
вом, — романом «Жизнь и судьба».
Закончив роман, Гроссман предложил
его журналу «Знамя». Главный
редактор «Знамени» вни-
мательно прочитал руко-
пись и немедленно доло-
жил о ней в высокую пар-
тийную инстанцию. Дальше
все произошло в лучших тра-
дициях тридцать седьмого го-
да. На квартиру Гроссмана но-
чью заявились сотрудники «со-
ответствующих органов». Самого
писателя, правда, не арестовали
— репрессировано было его про-
изведение. Все экземпляры руко-
писи романа, черновики и записи
были изъяты и унесены. И подобно
тому, как в известное время люди
обивали пороги соответствующих ор-
ганов в надежде что-нибудь узнать об
арестованных отцах, братьях, сыновьях,
так теперь метался по инстанциям
Василий Гроссман, пытаясь найти
свое литературное детище. И случи-
лось невероятное: ему удалось про-
биться к главному идеологу страны
Михаилу Андреевичу Суслову. Член
Политбюро принял писателя весьма
сухо, но удостоил разъяснением, что
все было сделано с его, Суслова, ве-
дома и, по сути дела, для его же,
Гроссмана, блага: изъятие романа —
необходимость, ибо, если бы он по-
пал за границу и был там опублико-
ван, то это нанесло бы огромный
ущерб престижу и безопасности Со-
ветской державы. «Но не за границей,
а у нас, в Советском Союзе, возмож-
но опубликовать этот роман?» — ос-
ведомился Гроссман, на что получил
ответ, больше похожий на насмешку:
«Возможно. Лет через двести».

Вышестоящий товарищ, однако,
ошибся. Роман «Жизнь и судьба» уви-
дел свет значительно раньше, уже в
годы перестройки, — каким-то чудом
был найден случайно уцелевший у ма-
шинистки экземпляр рукописи. Роман
произвел огромное впечатление мас-
штабностью охваченных в нем собы-
тий, глубиной мысли, выразительно-
стью образов. Некоторые даже стави-
ли его рядом с «Войной и миром». Но
автор романа об этом ничего не знал.
И не узнает никогда. Талантливый,
серьезный, честный писатель, истин-
ный патриот ушел из жизни значи-
тельно раньше, неизвестно за что
подвергнутый несправедливому и зло-
му зажиму, замалчиванию, бойкоту.
Он не дожид и до шестидесяти лет.

На скромной гражданской панихиде, когда провожали в последний путь Василия Гроссмана, Илья Эренбург, помню, сказал: «Говорят, Гроссман тяжело умирал. Он тяжело и жил». Действительно тяжелыми, безрадостными, без преувеличения трагичными были последние годы Василия Семеновича. Но я знал его задолго до этих черных для него дней. И помню его жизнерадостным, оптимистичным, склонным к юмору, к шутке, даже к дружескому «розыгрышу». Однако не в его характере было шумное балагурство, не помню, чтобы он раскатисто хохотал. Гораздо более свойственна была ему сдержанная улыбка, умная, чаще всего ироническая, подчас лукавая, а то и озорная.

Мы познакомились и, смею ска-
зать, подружились с ним в ре-
дакции газеты «Красная звез-
да», куда с первых дней войны меня
пригласил на работу знаменитый ее
редактор Д. Ортенберг-Вадимов, сме-
ло игнорируя то обстоятельство, что я
в ту пору числился по разряду «брат
врага народа». Гроссман пришел в
«Звездочку» по распределению, кото-
рым в Политуправлении Красной Ар-
мии ведал тогда некий полковник Ба-
ев. Этому, между прочим, сопутство-
вал маленький забавный эпизод, о ко-
тором мне как-то рассказал сам Васи-
лий Семенович. В кабинете Баёва со-
стоялся следующий диалог: «Вы пи-
шите для детей. А сможете работать в
«Красной звезде»? — «Почему для де-
тей? — удивился Гроссман. — Я пишу
для взрослых». — «Вы Лев Кассиль?» —
«Я не Кассиль. Я — Гроссман». —
«Гроссман? Гм... А вы согласны идти в
«Красную звезду»? — «Согласен, — от-
ветил Гроссман и, уходя, сказал: — До
свидания, товарищ Баёв», на что по-
следовал ответ: «Я не Баёв. Я — Ортен-
берг».

За короткое время Гроссман стал
одним из самых известных военных
писателей «Красной звезды», да и
всей советской печати. Его фронтовые
корреспонденции и очерки с их острой
наблюдательностью и точной грам-
отной характеристикой боевой обстанов-
ки, довольно неожиданной в глубоко
«штатском» человеке, сочетались с вы-
соким литературным мастерством.
Многие фронтовые очерки Гроссмана
по сей день читаются как подлинные
художественные произведения, напри-
мер, «Глазами Чехова» из-под Сталин-
града или «Треблинский ад» из Поль-
ши. Работу Гроссмана высоко ценила

воя армия; и если с какого-либо из
фронтов в редакцию приходила теле-
грамма «Пришлите Гроссмана», все
понимали, что там предстоит серьез-
ные дела.
Кстати сказать, именно так началась
и очень для меня памятная наша по-
ездка осенью сорок четвертого. Мы
столкнулись в коридоре редакции.
«Как дела, Вася? Здоровье? Политико-
моральное состояние? Творческие
планы?» — «Спасибо. Вот послезавтра
еду под Варшаву. Там предполагается
кое-какие события. Хотите поехать со
мной?» — «А что? Можно и поехать.» —
«Нет, я серьезно.» — «Ну и я серьезно.» — «А вы знаете, что это моя три-
надцатая поездка на фронт?» — спросил
Гроссман не без «подковырки». Я на
секунду задумался, потом бодро от-
ветил: «Ну и что? А я на фронте три
раза. Тринадцать и три — шестьнад-
цать, разделить на двоих — восемь.
Число вполне безопасное».

И вот уже редакционный «Виллис» с
девушкой-шофером Леной за рулем
колесит по дорогам и городам Поль-
ши, пядь за пядью освобождаемой
советскими войсками от свирепого со-
противляющихся гитлеровцев, своими гла-
зами видим следы их чудовищных
злodeяний в страшном Майданеке и
еще более жуткой Треблинке. «Кое-ка-
кие события под Варшавой» в этот раз
не произошли, и наиболее значитель-
ной боевой операцией, которую мы
смогли наблюдать в непосредственной
близости, было форсирование реки
Нарев. И должно же было так случи-
ться, что как раз в то утро, когда нам на-
до было выезжать в расположение на-
ших наступающих частей, наш шофер
Лена заболела и мне, автолюбителю
(другого выхода не было), пришлось

за баранку
доселе мне неве-
домого «Виллиса». Со
своими шоферскими обязанно-
стями я благополучно справился, но,
как во всякой поездке, рядом с серь-
езными делами происходит и нечто
забавное. Так было и в этот раз. Мы
въехали во двор помещичьей усадьбы,
где корреспондентов «Красной звез-
ды» (с нами был еще военный обозре-
ватель полковник-танкист Петр Коло-
мейцев) встретил озабоченный началь-
ник штаба и тут же, во дворе, поде-
лился краткой оперативной информа-
цией. В конце разговора Гроссман,
скрывая улыбку, сказал: «Кстати, а это,
знакомьтесь, наш шофер Борис Ефи-
мов». Начштаба посмотрел на меня с
недоумением, явно не понимая, зачем
ему в этой горячке знакомиться с кор-
респондентским шофером, и ничего
не сказал. Потом подошел проходив-
шего старшину и сказал: «Вот что, Ру-
денко, ведите товарищей полковников
в командирскую столовую и шофера
не забудьте у себя покормить». Гросс-
ман покосился в мою сторону и ска-
зал: «Э-э... Вы меня не совсем поняли.
Это ведь, так сказать, известный...» —
«Да, да, — рассеянно сказал начштаба,
завидев въехавшего в ворота мотоцик-
листа. — Добро. Как пообедаете, так
подойдете ко мне».

Обедали мы, впрочем, все вместе
за столиком во дворе. И тут мне не-
ожиданно пришлось переключиться на
свою основную профессию: к нам по-
дошли два товарища из дивизионной
газеты и, узнав «кто есть кто», попро-
сили меня что-нибудь нарисовать в
номер, который уже сдавался в пе-
чать. Вооружившись авторучкой
Гроссмана и листком из его блокнота,
я быстренько изобразил «Красноар-
мейскую шараду». Она состояла из
двух слогов: на первом рисунке крас-